

© *Пергаменщик Л.А., 2012*

Л. С. ВЫГОТСКИЙ: ЗАВЕЩАНИЕ МАСТЕРА

Аннотация. В статье анализируются последние публикации Л. С. Выготского, в которых он настаивал на введении категории «переживание» в психологическую науку. Признаки переживания: индивидуальность, ситуативность, интенциональность. Использование категории переживания позволяет рассматривать человека в единстве личностных и средовых моментов и свидетельствовать (судить) о характере отношения человека к фрагменту действительности. Обсуждаются причины неудачи проекта по обоснованию и использованию категории «переживание» (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович, Ф. Е. Василюк) и возможности его реализации в современной психологии. Акцент сделан на необходимости взять на вооружение методологию постмодернизма. Подчеркивается, что личность важно изучать в целостности; человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистическое обобщение; переживание человеком мира и себя в мире являются главной психологической индивидуальной реальностью.

Ключевые слова: переживание, диалог, нарративная психология, ситуативность, интенциональность, сознание, индивидуальность.

© *L. Pergamenshik, 2012*

VYGOTSKY: THE WILL OF THE SPECIALIST

Abstract. This article analyzes the last publications of Vygotsky, in which he insisted on the introducing into Psychology the category “experience”. The symptoms of an experience are: individuality, situational reaction, intentionality. The use of the category “experience” allows to consider a person as a unity of human personality and environmental aspects, and to assert (to judge) the nature of a person’s attitude to a piece of reality. The article gives reasons for the failure of the project of giving grounds and ways of usage of the category “experience” (Leontiev, Elkonin, Bozhovich, Vasilyuk), and the possibility of its feasibility in modern psychology. The emphasis is put on the necessity to adopt the post-modernism methodology. It is stressed that it is important to study a personality as a unity; a person is unique, so the analysis of separate cases is in no case less reasonable than the statistical generalization; the main psychological individual reality is experiencing by a person of the world and of himself in the world.

Key words: experience, dialogue, narrative psychology, situational reaction, intentionality, consciousness and personality.

*Правда о человеке в чужих устах,
не обращенная к нему диалогически,
т.е. заочная правда, становится
унижающей и умертвляющей его ложью.*

М. М. Бахтин

С легкой руки М. А. Булгакова, за словом «мастер» закрепилось определенное содержание: честность, последовательность пути, невозможность предать самого себя,

профессионализм, когда и силы света, и силы тьмы сходятся в оценке им созданного. Л. С. Выготский, как никто другой в отечественной психологии заслуживает почетное и ответственное звание «мастер», и это позволяет нам обращаться далее в тексте к психологу не по фамилии, имени и отчеству, а просто — Мастер.

Мастер за свою короткую жизнь породил много идей, и если строго анализировать его тексты, то возникает ощущение, что он не всегда заботился о последовательности и непротиворечивости. Чтобы разобраться в причинах такой методологической «неразборчивости»¹ (сейчас это можно было бы обозначить спасительным словосочетанием «интегративная эклектика»), требуется серьезный текстологический, методологический, социальный анализ. Возможно, методологическая непоследовательность и объясняет обращение к Мастеру как к предтече ученых, имеющих противоположные взгляды на психологию. Это и понятно: работали вместе, вместе создавали новую психологию. Но тогда его взгляды должны быть совместимы с идеями социального конструкциониста Г. Джерджена, которого также привлекают тексты Мастера для обоснования конструкционистского поворота в психологии [5; 75].

Создается впечатление, что Мастер торопился, не надеясь на покой, тексты свои оформлял, не заботясь о непротиворечивости. Может, поэтому у него так много учеников. По крайней мере, после его смерти, особенно когда его стали печатать, все, кто так или иначе встречался с Мастером, объявили его своим учителем. На то, что между взглядами Мастера и его последователями обнаруживаются методологические различия, — не обращали внимание. Об одном из его учеников и их разных взглядах и о другой дороге, которую выбрал последователь, я пробовал высказаться в статье «Прозрения раннего Выготского: выразительное и говорящее бытие» [15]. Сейчас я подозреваю, что мои взгляды и рассуждения носят несколько поверхностный характер, они иногда слишком прямолинейны и не всегда обоснованы. Все же многое в движении от Мастера определяла эпоха — надо было выжить. Хоть это и звучит кощунственно, Мастер вовремя умер, а ученикам выпала нелегкая доля продолжать жить.

Мы входим в эпоху, когда Мастера постепенно оставляют в покое. Еще лет пять назад ни одна диссертация не обходилась, чтобы его не потревожить: он всегда был первым в списке цитирования. Часто на этом и заканчивалось обращение к Мастеру — до чтения и анализа текстов, как правило, дело не доходило. Произносили всем уже известные слова-заклинания: «зона ближайшего развития», «закон культурно-исторического развития» и еще несколько словосочетаний. Слова произносились, но тексты не анализировались. Автор цитаты как бы говорил: ну вы ведь знаете, о чем идет речь. После этого читающий или слушающий такие заклинанья говорил себе: все знают, ну, не буду показывать обратное — соглашусь с тем, что Л. С. Выготский точно так и думал. Так выросло целое поколение психологов, которые при защите диссертации формально опирались на Мастера, но не знакомились с его текстами. Конечно, есть и приятные исключения, которые, как говорится, подтверждают правила.

В предлагаемой статье я попробую коснуться, хотя для серьезного обсуждения одной статьи, этого, безусловно, недостаточно, категории **переживание**.

Сразу хочу огорчить внимательного читателя, Мастер не оставил ни монографии, ни статьи, ни даже параграфа, посвященного этой категории. Отсюда и по объему его рассуждения о переживании занимают мало книжного места, непозволительно мало. Да, но какое место он отводит категории переживание в построении всего здания психологии — вот что важно.

¹ Не просто было бы Мастеру защитить диссертацию в Совете по психологии. Как бы он ответил на вопрос, какую методологическую позицию он занимает? Вот тут бы он и покрутился под бдительными взорами принципиальных членов Совета.

Отношение Мастера к категории «переживание» удивляет, так как оно плохо согласуется с его основными взглядами, вот почему, может быть, данная категория не получила своего достойного развития в советской психологии.

Мастер пишет: категория «переживание» занимает особое ведущее место в психологии и определяет это место. Переживание есть основная, ведущая единица для изучения личности и среды, так как «переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии» [4, 382].

Давайте вместе с Мастером, опираясь на его текст, перечислим признаки искомого понятия. Итак, какие признаки включает эта единица, выбранная Мастером для изучения единства (взаимодействия, взаимопроникновения) личности и среды?

Во-первых, через переживание мы можем представить единство личностных и средовых моментов.

Во-вторых, «переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности».

В-третьих, важнейшей характеристикой переживания является такой признак, как интенциональность. Слова Мастера: «Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь» [4, 382].

В-четвертых, переживание индивидуально, так как «всякое переживание есть мое переживание» [4, 382].

В-пятых, переживание имеет признак ситуативности, так как оно показывает, «чем данный момент среды является для личности» [4, 383].

Таким образом, Мастером выделены следующие признаки переживания: **индивидуальность, ситуативность, интенциональность**, что позволит рассматривать человека в **единстве личностных и средовых моментов** и свидетельствовать (судить) о характере **отношения человека к фрагменту действительности**.

Выделив основные характеристики переживания, Мастер объявляет место, которое должно занять эта категория в психологии: «**действительной динамической единицей сознания, т. е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание**».

Теперь логично перейти к анализу механизма переживания. Мастер не дает на этот вопрос обстоятельного ответа, он скорее намечает пути дальнейшего теоретического поиска. «Любой анализ трудного ребенка показывает, что существенна не сама ситуация, взятая в ее абсолютных показателях, а то, как ребенок переживает эту ситуацию» [4, 383]. Я думаю, допущение: «анализ трудного ребенка» сужает принципиальное положение Мастера, эта фраза более точно, на мой взгляд, должна звучать так: «для анализа человеческого поведения важна не сама ситуация, взятая в абсолютных показателях, т. е. измеряемая статистически, а то, как человек переживает эту ситуацию».

Далее Мастер делает предварительный методический вывод: «Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживания ребенка, т. е. к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни».

Анализ становится очень сложным, мы наталкиваемся здесь на «огромные теоретические трудности (курсив мой — Л. П.)» [4, 383]. Провозгласив всю сложность теоретических трудностей, Мастер не объяснил, ни что это за трудности, ни почему они возникли, для какой психологии это является трудностью. Может, он сам и принял участие в создании этих методологических трудностей и ограничений? Методология психологии Мастера, которую он активно создавал, а его ученики подхватили и пропагандировали, не содержала в себе возможности для преодоления объявленных теоретических трудностей для изучения переживания. Тут мы можем продолжить список тем, которые в силу объективных методологических обстоятельств не стали предметом изучения отече-

ственной психологии: переживание, смысл, жизненный мир. Как вполне справедливо и точно отметил Д. А. Леонтьев в предисловии к русскому изданию знаменитой книги С. Квале «Исследовательское интервью»: «На протяжении почти всего XX века психология находилась под властью естественнонаучного позитивистского устремления «измерять все, что измеряется, научиться измерять все, что не измеряется» [11, 6]. Такая позиция не могла подвести к анализу категорий, которые принципиально неизмеряемы в количественном естественнонаучном смысле, но которые могут перед нами предстать как результат качественного анализа.

Я нашел в текстах непосредственных последователей и учеников Мастера две принципиальные попытки отреагировать на его призыв, обратить внимание на категорию переживание.

ПОПЫТКА ПЕРВАЯ, УСПЕШНАЯ, НО ОТРИЦАЮЩАЯ

Первая попытка относится к самому именитому ученику и соратнику Мастера, создателю теории деятельности А. Н. Леонтьеву. Надо сказать, что будущий создатель теории деятельности сразу обратил внимание, что Мастер придает особое значение категории переживание. (Напомню уважаемому читателю, что категорию переживания в такой интерпретации проговорил Мастер в 1933–1934 годах в своих лекциях). Уже в 1937 г. А. Н. Леонтьев отреагировал на призыв мастера изучать переживание.

Вот что А. Н. Леонтьев тогда писал: «Введение Л. С. Выготским понятия переживание скорее *запутывает, чем решает здесь вопрос*, так как для того, чтобы раскрыть в психологии действительное единство человеческой деятельности, *нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания par excellence* (курсив мой — Л. П.). Переживание, будучи вторичным и произвольным фактом, как раз не определяется **прямо и непосредственно**, ни физиологическими свойствами субъекта, ни свойствами самого предмета переживания. То, как я переживаю данный предмет, в действительности определено содержанием моего отношения к этому предмету, или, точнее говоря, содержанием мой деятельности. Следовательно, только рассматривая человека как субъекта деятельности, мы сможем раскрыть конкретное единство физиологического и психологического, «внутреннего» и «внешнего» в его личности» [8, 124]. Итак, позиция А. Н. Леонтьева предельно ясна: нужно решительно отказаться от категории переживания. То, что он на место переживания поставил категорию деятельности, из которой позже и выросла теория деятельности, мы обсуждать не будем, это выходит за рамки нашей статьи.

В другом месте статьи А. Н. Леонтьев еще более заостряет вопрос об отличии этих двух категорий — переживание и деятельность. «В диалектике взаимопереходов переживания и деятельности **ведущей** является деятельность. Значит, влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятым в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, **но и не переживанием субъекта**, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» [8, 123].

Итак, понятно, что в теории деятельности места переживанию не нашлось, категория деятельности успешно заменила категорию переживание и тем самым сняла вопрос о теоретических трудностях, с которыми обязательно столкнется исследователь, решив изучать переживание человеком своей жизни, своей судьбы.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА. ПОЗИТИВНАЯ, НО НЕЗАКОНЧЕННАЯ

Автор послесловия к четвертому тому собрания сочинений Мастера, которое увидело свет в 1984 г., Д. Б. Эльконин подхватил идеи учителя. В послесловии он полностью соглашается с мыслью Мастера взять за единицу сознания переживание, которое содержит в себе единство среды и личности ребенка [18, 403]. Итак, со второй попытки было объявлено: переживание надо изучать, но если надо, то, может быть, кто-нибудь скажет, как это надо делать? Д. Б. Эльконин согласен с Мастером, что вопрос труден, требует «коренного изменения стратегии и методов исследования» [18, 403], и он делает попытку сформулировать эту стратегию:

1. «Необходимы длительные индивидуальные исследования отдельных детей» [18, 403]. Здесь речь идет о монографических исследованиях.

2. «Применяемая в обычных исследованиях стратегия срезов с последующей математической обработкой, при которой теряется особенность перехода от одного периода к другому, для изучения этой проблемы едва ли может быть пригодна» [18, 403].

3. В центре внимания будущего исследователя необходимо поместить «отдельного ребенка, а не абстрактную статистическую среднюю величину», — утверждает ученик мастера. Д. Б. Эльконин обратил внимание на то, что «из современных психологов эта проблема разрабатывалась ученицей Л. С. Выготского Л. И. Божович (1968)» [18, 403].

Итак, сделано немало, принципы заложены, осталось предложить инструментарий, при помощи которого исследователь смог бы анализировать такую сложную категорию, как переживание. Мы уже знаем, как не надо изучать переживание: стратегия срезов не подойдет, среднестатистические данные ничего не скажут нам о переживании. Исследование должно быть монографическим, для чего в центр внимания следует поместить отдельного ребенка. Надо признаться, что в своих работах Д. Б. Эльконин был недостаточно радикален, чтобы психологи могли отдать должное категории, призванной стать во главу угла всей психологии.

Напомню, на дворе стоял 1984 г. В этом году Ф. Е. Василюк выпустил небольшую книжку «Психология переживания». В это же время патриарх когнитивной революции Дж. Брунер заявил о существовании нарративного мышления. Публикация «Жизнь как нарратив» вышла в журнале *Social Research* в 1987 г., русскоязычный читатель познакомился с ней лишь двадцать лет спустя [3].

Итак, мы рассмотрели попытки отечественной психологии включить категорию «переживание» в арсенал академической науки. Несмотря на отдельные успехи¹

¹ Когда я говорю о двух попытках, я несколько недооцениваю результаты ряда исследований, не принимаю в расчет попытки, которые делались в отечественной психологии. Но все они существовали на периферии интересов академической психологии. Систему исследования искомой категории предложил в своей монографии по психологии личности А. Г. Асмолов, где он выделяет три направления анализа переживания в отечественной психологии [1]. А) Переживание это «эмоционально окрашенное явление действительности, непосредственно представленное в сознании субъекта и выступающее для него как событие его собственной индивидуальной жизни». Переживание есть синтез отношения и знания. Б) Понимание переживания как стремлений. Желаний, хотений, непосредственно представляющих в индивидуальном сознании процесс осуществления субъектом выбора мотивов и целей его деятельности и тем самым принимающих участие в детерминации процессов деятельности стремления, желания, хотения — как формы переживания — отражает в сознании динамику борьбы мотивов, выбора и отвержения целей, к которому стремится субъект. Этой точки зрения на переживание придерживались последователи школы теории деятельности А.Н. Леоньева. В) А. Г. Асмолов посчитал необходимым выделить еще один взгляд на переживание, который хотя и заявлен как вышедший из теории деятельности, но имеет значительную специфику. Это концепция переживания Ф. Е. Василюка. Можно отметить еще несколько публикаций на тему переживания [6; 7; 8; 12]. Особое место, но плохо проанализированное, в истории изучения переживания занимают идеи Г. Г. Шпета. Под влиянием и под руководством ученого в 30-годы прошлого века изучал переживание Б. М. Теплов [12, 19].

(Ф. Е. Василюк, Л. И. Божович), данная категория не получила того места, которой ей пророчил Мастер.

По мнению западных ученых гуманистического направления, в начале 90-х г. не была решена проблема изучения переживания. Так, в Психологическом журнале за 1993 г. была напечатана статья, авторы которой с надеждой отмечали, что в современном психологическом научном мире идут поиски систематизированных методик для анализа переживаний человеком конкретных жизненных ситуаций [7]. Следовательно, и западная передовая психология не могла отметить больших успехов в реализации задачи, которую поставил перед психологией еще в тридцатых годах Мастер.

Если внимательно всмотреться в признаки категории переживания, то можно получить ответ на вопрос: почему при таком важном месте, которое занимает переживание в сознании личности, у нас практически нет исследований на эту тему. К чему же стремился Мастер, если он провозгласил тот путь развития психологической науки, который не предусматривал изучения таких характеристик сознания, которыми описана категория переживания?

Для переживания необходимо было перейти на другую методологическую парадигму, согласиться, что есть другой взгляд на человека, когда можно подойти к рассмотрению человека в единстве средовых и личностных моментов, целостно, как человека становящегося. Речь идет о гуманистическом направлении в психологии, которое открыто для использования качественной парадигмы.

Основные положения гуманистической психологии: а) человек должен изучаться в его целостности; б) каждый человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистические обобщения; в) человек открыт миру; г) переживания человеком мира и себя в мире являются главной психологической индивидуальной реальностью; д) человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека; е) человек наделен потенциями к непрерывному развитию и самореализации, которые являются частью его природы; ж) человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе; з) человек — активное, интенциональное, творческое существо; и) все люди разные.

Основные положения гуманистической психологии вошли во все, в том числе и в отечественные учебники по психологии личности и по истории психологии. Действительно, человека надо изучать **в целостности**; человек **уникален**, поэтому **анализ отдельных случаев** не менее оправдан, чем статистическое обобщение; **переживание** человеком мира и себя в мире являются главной психологической индивидуальной реальностью. Итак, личность в гуманистической психологии описывается категориями целостность, уникальность, самореализация, интенциональность, через переживание бытия-в-мире и анализ отдельных случаев. Обратите внимание, что принципы гуманистической психологии и характеристики переживания, описанные Мастером, совпадают по ключевым параметрам: целостность, уникальность, ситуативность, интенциональность. Почему же дальше провозглашения основных положений целого направления в психологии дело не идет? Чтобы изучать человека в целостности, уникальности, ситуативности надо согласиться, что кроме естественнонаучного подхода, который по-прежнему превалирует в нашей психологии, есть иной взгляд.

В заключение приведу слова Гордона В. Олпорта (1962). Обращаясь к коллегам, он писал: «Мы находимся под влиянием целей и методов естественных наук. Само по себе это влияние не является негативным. Нам все еще есть чему у них учиться. Вопрос заключается в том, не поработило ли оно нас настолько, что мы пропускаем добрую половину наших профессиональных задач, направленных на улучшение понимания чело-

веком его собственной природы?» [14, 73]. Далее ученый обращается к психологам с предложением: «Не пришло ли еще время тем, кто изучает личность, отказаться от привычных ригидных решений и, возможно, даже поставить их с ног на голову. Вместо того, чтобы отрицать значимость единичных случаев и посвятить себя поискам обобщений, почему бы не отказаться от них и не обратиться к специфике конкретной личности? Действительно ли наши обобщения имеют отношение к тому частному случаю, который мы изучаем? Если даже это и так, не требуют ли они модификации? И в чем именно индивидуальное функционирование противоречит нашим общим законам?» [14, 73–74].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 1990.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
3. Брунер Джером. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология, 2005. № 1. С. 9–30.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4 Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.
5. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / пер. с англ. А. М. Корбут; под общ. ред. А. А. Полонникова. Мн.: БГУ, 2003.
6. Зинченко В. П. Живое знание. Самара, 1998.
7. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2.
8. Леонтьев А. Н. Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского (критическое исследование) (1937) // Вопр. психол. 1998. № 1. С. 108–124.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избр. псих. труды в 2 т. М., 1983.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
11. Леонтьев Д. А. Предисловие к русскому изданию // Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009.
12. Марцинковская Т. Д. Творческое наследие Г. Г. Шпета. «Круглый стол» Вопр. психол. 1997. № 5. С. 154–155.
13. Мещерякова И. А. Проблемное поле и мир переживаний старшеклассников // Психол. науки и образование. М., 1998.
14. Олпорт Гордон В. Личность в психологии. СПб., 1998.
15. Пергаменщик Л. А. Прозрения раннего Выготского: выразительное и говорящее бытие // Психология. 2007. № 2. С. 3–10.
16. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. М., 2004. № 1.
17. Прихожан А. М. Изучение тревожности как переживания в контексте культурно-исторической концепции // Вестник РГГУ № 1/06. Серия «Психология», Москва. 2006. С. 99–115.
18. Эльконин Д. Б. Послесловие / Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4 Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 386–403.
19. Ярошевский М. Г. Идеи Б. М. Теплова о переживании как феномене культуры // Вопр. психол. 1997. № 4. С. 63–75.